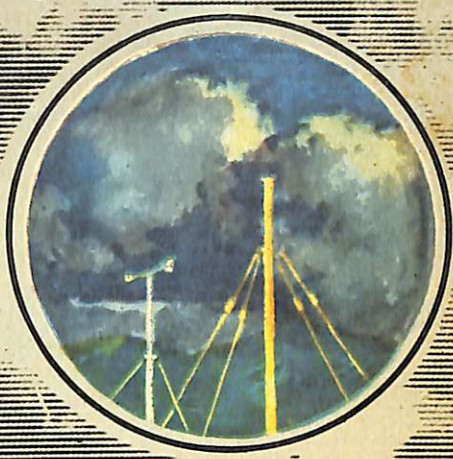

351
H62

Константин Никитенко
В ПОГОНЮ ЗА ОБЛАКАМИ

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

Количество предыдущих ~~выдач~~ _____

--	--

551
H62.

Константин Никитенко

В ПОГОНЮ ЗА ОБЛАКАМИ

384566

Издательство «Мысль»

Москва 1976

писал о циркуляции атмосферы известный английский метеоролог Джордж Гадлей. Было это в 1735 году.

Эти слова, уже в середине нынешнего века, взял эпиграфом к своей книге «Природа и теория общей циркуляции атмосферы» не менее известный американский метеоролог Эдвард Лоренц. И был не так уж не прав, ибо и сейчас они достаточно точно характеризуют наши познания в этой области. Правда, это не означает, что со времен Гадлея ученые не продвинулись в своих исканиях ни на шаг. Нет, совсем нет! Поэтому эпиграф, мною выбранный, уже более оптимистичен.

Перед авторитетами всегда снимают шляпу. Не потому, что так надо, а потому, что хочется. Ведь сколько секретов выведали они у природы! А сколько предстоит еще познать! Работа метеорологов — словно клубок, у которого нет конца. Нить этого клубка тянется через бесконечный лабиринт. Вступив в него, ученые уже просто не могут отказаться от желания добраться до сути. Трудно им приходится, очень трудно на пути познания, но прекрасно то, что они не утрачивают при этом способности верить в то, что кажется временами невозможным, как дети — в любые сказки.

Каждая очередная экспедиция за погодой — это не обязательно новое слово в науке. Новые слова в метеорологии вообще не так уж и часты. Но может быть, мне повезло: у многих ученых, с которыми я сталкивался в экспедициях, в крови жажда верить в невозможное, унаследованная от детства.

Каждая из глав этой книги не есть описание какой-то одной определенной вылазки метеорологов за секретами погоды. Например, «морская» глава написана по впечатлениям и результатам трех экспедиций начиная с 1965 года, когда только появились «сотки» (метеорологические ракеты, зондирующие атмосферу до высоты примерно ста километров), и до 1974-го, вошедшего в историю науки как год, с которого началось глобальное исследование погоды силами ученых многих стран в тропической зоне Атлантики. Поэтому хронология в рассказах иногда «пляшет». Но все они строго документальны.

На протяжении этих десяти лет, работая время от времени вместе с метеорологами «на земле, в небесах и на море» и еще во льдах, я видел, с каким трудом достаются им знания о погоде, сколько изобретательности и умения надо вкладывать в вопросы, задаваемые природе. И каково приходится ученому, добровольно меняющему уютную городскую квартиру на качающуюся под ногами несколько месяцев подряд палубу научно-исследовательского судна...

...отправляющемуся на год с лишним в совсем уж неудобные, насквозь продутые полярными ветрами высокие широты нашей планеты — в Арктику или Антарктиду...

...работающему по восемь — десять часов в сутки (и так месяц, а то и два без выходных и праздников) на борту летающих лабораторий, которые пилоты специально заводят в облака, где тяжелый самолет, словно былинку, кидает то вверх, то вниз на тысячи метров...

...монтирующему и налаживающему автоматические станции в глухой тайге, в местах, где подчас и нога человеческая не ступала, где поблизости от рабочей площадки пасутся, словно коровы, никем и никогда не пуганные медведи...

Каково же ему, метеорологу, приходится в экспедиции?

Для чего эти экспедиции нужны?

Как продвигают они передний край современной науки?

Об этом я и попытаюсь рассказать.

Глава первая

Я — ТРИНАДЦАТАЯ, ДАЮ ПОГОДУ...

В суровых климатических условиях многое зависит от четких действий службы погоды. Теперь на помощь людям пришли автоматы. Сегодня на мысе Африка (южное побережье Камчатки) впервые начала нести службу автоматическая радиометеорологическая станция. Восемь раз в сутки синоптик-автомат будет передавать по радио подробные сведения, необходимые для составления прогноза погоды. В считанные секунды автоматическая станция определит масштабы надвигающегося циклона и предупредит об этом метеорологов.

Из газет

Нас четверо: Александр Крючков — руководитель группы, инженер Московского научно-исследовательского института гидрометеорологического приборостроения, Александр Усачев — радиомонтажник этого же института, Леонид Скрячев — радист Камчатского управления Гидрометеослужбы, и я, тоже инженер. Кое-как пристроившись на тяжелых ящиках с аппаратурой, которыми забит до потолка салон вертолета, мы прильнули к круглым иллюминаторам и жадно смотрим на проплывающие мимо нас безжизненные, сложенные из вулканических пород черно-бурые сопки. Они придавлены снежными шапками, струящими под лучами солнца призрачно-голубой свет. Чтобы увидеть это искрящееся великолепие, приходится набигаться к нижней кромке вертолетного окошка — сверкающие глыбы чуть ли не подпирают небо. А на альтиметре нашего МИ-8 — восемьдесят метров.

Картина величественная и немного жутковатая, словно кадры из научно-фантастического фильма. И даже за грохотом двигателя угадывается нетронутая веками тишина этих мест. Камчатка...

Природа словно позаботилась о том, чтобы гидрометеорологи работали зачастую чуть ли не в самых труднодоступных местах нашей планеты. Таких, например, как эти края. Но все

чаще бремя гидрометеорологических наблюдений взваливают на свои плечи автоматы. Один из них мы летим устанавливать. Это АРМС — автоматическая радиометеорологическая станция М-107. Пока она упакована в ящиках, на которых мы сидим.

Прямо из-под вертолета метнулась в сторону небольшая светло-коричневая лавина. Да это же олени! Благородные животные, напуганные грохотом вертолетного двигателя, в мгновение ока исчезли за соседней сопкой. Я даже улыбнулся: край непуганых зверей — и автоматизация, порождение научно-технической революции! Сочетание, очень характерное для последней трети двадцатого века. И все это должно существовать бок о бок. И не мешать друг другу. Вот ведь проблема!

А ведь еще совсем недавно автоматизация и сама служба погоды считались понятиями несовместимыми. Процесс получения первоначальных сведений о погоде (температура, давление, влажность воздуха, скорость и направление ветра) и составления прогнозов долгое время никак не поддавался автоматизации. Эта область человеческой деятельности считалась недоступной машинам. Лишь гигантский скачок в развитии науки и техники позволил гидрометеорологам взяться за комплексную автоматизацию своей работы. Инициатором в этом деле выступил Советский Союз.

Что же такое автоматизация службы погоды? Если в двух словах, то это — колоссальнейший комплекс. Одно из его звеньев — автоматические радиометеорологические станции, устанавливаемые в труднодоступных и, естественно, необжитых районах, их надежная и быстрая связь с региональными центрами. Ведь сведения о погоде, пусть даже самые точные, но полученные с опозданием, теряют свое значение. Особенно в таких районах, как Камчатка, Сахалин, Приморье, Казахстан, Мурманская область, где от погоды зависит очень многое. Своевременная и полная информация о возможных стихийных бедствиях позволяет сберечь жизнь людей и материальные ценности. В таких местах круглосуточно передаются извещения о погоде.

...Аэропорт Петропавловск-Камчатский встретил нас как раз таким сообщением. Еще на трапе, подкатившем к люку нашего Ил-18, мы услышали монотонный голос местного диктора:

— Передаем сообщение о погоде. Для центральной части полуострова: ветер северо-восточный, десять — двенадцать метров в секунду, давление семьсот пятьдесят два миллиметра, влажность шестьдесят восемь процентов... — И так далее, по всем районам Камчатки.

Пока получали багаж да дожидались автобуса, идущего в город, еще два раза слышали такие сообщения. Что интересно: третья уже совсем не было похоже на первое. Всего лишь за час погода изменилась!

И погода, лишь погода виновата,
Что к нам вовремя не прибыл самолет,—

лихо пели студенты в зеленых куртках с намалеванными на спинах рыбами, не обращая, кстати, на погоду никакого внимания. Им все ни о чем, как всем студентам, явившимся к месту сбора на свой третий, трудовой семестр. Да и о чем им, действительно, задумываться: крыша над головой будет, кормежка какая-никакая, а строго по часам, работа на рыбокомбинате «от и до», потом танцы до упаду, как говаривала моя бабушка. А у нас все немножко не так. Жить будем в тайге, километрах в трехстах от ближайшего поселка, без всякой связи и прочих удобств цивилизации. И обед нам никто не приготовит. И даже если, не дай бог, руку сломаешь, лечись своими силами. Впрочем, меняться со студентами своим предстоящим житьем-бытьем я, конечно, все равно не стал бы. Хотя мыслишка об этом, откровенно говоря, промелькнула...

Вскоре думать о подобных вещах было уже просто некогда: проверяли аппаратуру станции, до хрипоты ругались с аэродромным начальством, «выколачивая» самолет на Ключи (поселок в центре Камчатки, наша перевалочная база), где нас уже ждали металлические конструкции станции, оформляли и подписывали десятки невесть откуда появившихся бумажек... Вдохнули свободно лишь на борту поднявшегося над Ключами вертолета, проглотившего все наши «железки», десятки неподъемных ящиков и нас в придачу. Разом оборвавшиеся хлопоты, суета и беготня по начальству казались уже каким-то кошмарным сном, мышцы сами по себе расслабились, мозг окутался умиротворением, и хотелось лететь вот так, согнувшись в три погибели на краю жесткого ящика, долго-долго. И чтобы бежали под тобой олени, а мимо, прямо рукой подать, проплывали, будто замороженные, сопки.

Механик, сидевший неподалеку от меня, что-то прокричал, сложив ладони рупором, и поманил меня к себе пальцем. Пробираюсь с трудом — машина загружена до потолка. Механик тычет карандашом в карту и кричит мне прямо в ухо:

— Вот она, ваша точка!

На карте маленький кружок. Рядом с ним координаты нашей станции.

— Минут через десять будем на месте! — весело кричит механик.

Добираюсь до своего иллюминатора. Пытаюсь за кружком, нарисованным на карте, увидеть поляну, которая станет нам через десять минут и домом и местом работы. А вертолет все снует и снует между сопками, словно по лабиринту.

Но вот он аккуратно обогнул последнюю преграду и сделал вираж над поляной — срезанной верхушкой внушительной горы, поросшей от основания до вершины цепким кедром. Громадный бурый медведь, спокойно пощипывающий голубику, оторопело присел, глядя на страшно жужжащую железную птицу, а затем, рванувшись к краю поляны, скатился в непроходимые заросли. Вот так соседство!

Зависнув над серединой поляны, вертолет аккуратно сел, утонул колесами в мягких податливых кустиках голубики, шикши и жимолости. Прилетели!

Через четверть часа машина разгружена. Смущенно пожав нам руки, будто виноватые в том, что оставляют нас здесь, в глуши, за сотни километров от ближайшего населенного пункта, летчики забрались в кабину. Все быстрее и быстрее крутится винт, гонит на нас упругие струи воздуха, чуть не сбивающие с ног.

Вертолет замирает в метре от земли, затем стремительно кидается вперед и вверх, делает над поляной прощальный круг и устремляется в просвет между сопками. Одни...

Тихо-тихо вокруг. Подавленные стерильной тишиной, присели на ящики с оборудованием. Сидим и слушаем тишину. Уж больно она непривычна для городского жителя.

Метрах в десяти от нас сделал стойку суслик. Удивленно рассматривает странных пришельцев своими глазками-бусинками. Интересно же! Ведь мы — первые люди, которых он увидел. И вероятнее всего, последние, ибо станция, которую нам предстоит построить, необслуживаемая. Убедившись, что ему не собираются причинить зло, он удовлетворенно потер лапкой о лапку и засвистел. Мы ответили ему тем же.

Насвистевшись вдоволь, принялись осматривать свои владения. Длина поляны — километра два, ширина — метров пятьсот. Открытая всем ветрам площадка — идеальное место для установки станции. Подыскали ее еще зимой, с воздуха. По краям она аккуратно оторочена кедром — гибкими, высотой метра в полтора, переплетающимися, словно змеи в клубке, ветвями. Как предупреждение нам: дальше хода нет, люди, ваши владения здесь, на поляне, а вот там, вниз по склону, — наши, и только наши.

А по кедрачу действительно не походишь. Сунулись раз другой и подавленные проведенным экспериментом «успокоились». Да еще вспомнили про медведя, хозяина здешних мест, шмыгнувшего в эту чащобу. Хотя и считается камчатский красавец вегетарианцем, но медведь всегда остается медведем. Поди разбери, что у него на уме.

А внизу, на полкилометра ниже, в долине, извиваясь серебристой ленточкой, течет река Седанка. Вода в ней, надо полагать, чистая-чистая, вкусная-превкусная. Испить бы после путешествия ковшик. Да разве к реке пробьешься! Придется пробовать свою. Кстати, где тут наш источник?

И вот тут-то невеселая реальность быстро охладила наши головы. Потому что даже паршивенького болотца на полянке не было.

— Всем известно, без во-ды-ы-ы-ы! — высоко и с явно обреченной веселостью взвизгнул Саша Усачев и тут же оборвал. Да... Ни туды и ни сюды... А у нас ее ни капли. Хоть смеяться, хоть плачь. На Камчатке-то сто сорок тысяч рек! И надо же было судьбе на столь водообильном полуострове уготовать для нас место, начисто лишенное одного из главных источников жизни!

Но... Почему-то принято считать число «тринадцать» несчастливым. А вот известный бомбардир Герд Мюллер, кстати говоря, единственный, игравший на мексиканском чемпионате мира в майке с номером «тринадцать», забил больше всех мячей в ворота своих соперников! И станция, которую нам предстояло построить, имела заводской номер «тринадцать»...

В чаще кедрача, окружившего поляну, мы усмотрели небольшую брешь. И вот здесь, прямо на склоне, вниз по горшечке, прилепился небольшой снежник длиной метров пять и шириной полтора метра. Как он сохранился на сравнительно небольшой высоте, да еще в самом конце июля, понять было трудно. Но мы и не старались это понять. Важно было от жажды не умереть.

Быстро освободив три металлических ящика из-под аккумуляторов, стали набивать их снегом, предварительно поставив баки на камни, между которыми разожгли костер. Ждать, когда снег в баках растает сам, мы просто не могли, потому что в снежнике, потревоженном нашими лопатами, он таял гораздо быстрее, чем в ящиках. Двое таскали снег ведрами, двое ставили палатки.

Часа через три баки были полны. Мы смотрели на грязную, в каких-то хлопьях воду — наше главное богатство и прикидывали: на сколько же нам хватит воды? Сочли, что три недели

продержимся: суточный расход на личные нужды — кружка на брата, на приготовление пищи — ведро. И грустно взирали на снежник, таявший прямо на глазах. Драгоценная влага маленьким ручейком убегала под валун, а взять ее было не во что.

Хочешь не хочешь, но надо довольствоваться тем, что предоставила нам природа. А это означало, что поставить и отладить станцию мы должны за две недели. За две недели, а не за сорок пять суток, как указано в инструкции! Другого выхода не было. И других мнений тоже...

Сразу же принялись за дело. Разметили станцию, вбили колышки и вооружились ломом и лопатами, потому что прежде всего надо было выкопать четырнадцать ям глубиной полтора метра — под анкерные винты и одну яму такой же глубины, но побольше: прямоугольник два метра на три — под блоки с аппаратурой.

В нормальную почву анкер ввинчивается, как штопор в пробку, но этот вариант не для Камчатки, где под слоем дерна сразу же натыкаешься на валуны или вечную мерзлоту. Здесь нам достались валуны. Вбитый в землю по самое ухо анкер держит один конец растяжки. Второй ее конец крепится на мачте. Мачт, на которых устанавливаются датчики и радиопередатчик, три. Одна — четырехметровая, вторая — восьми-, третья — двенадцатиметровая. Мачты собираются из двухметровых колен. Опираются мачты на шарниры, укрепленные на мощных стальных плитах. А удерживаются они растяжками. На четырех- и восьмиметровых растяжки идут в два яруса, на двенадцатиметровой — в три. Крепление надежное, никакой ураган не снесет.

Большая же яма роется под блоки автоматики и аккумуляторы, питающие станцию. Она выкладывается досками, потолком ей служит пол домика. Домик собирается из досок. В нем нары с двух сторон, стол и печка-«буржуйка» — минимальный комфорт для бригады, занимающейся профилактическим осмотром станции раз в год.

Известно, что долбить камни ломиком — дело безнадежное. Пришлось валуны из земли выковыривать. Работа эта адава и потообильна.

На Камчатке лето, как правило, дождливое, бархатный сезон наступает в сентябре. А тут солнце светило нам, словно счастливым отпускникам. И никакого ветра. Такая погода нас вовсе не устраивала, потому что она очень устраивала полчища комаров, оводов, слепней, мошки и прочего гнуса, которые, обалдев от привалившего им счастья, набросились на нас с исступлением.

Солнце палило всю, в тени было двадцать шесть — двадцать восемь, а мы орудовали ломами одетые в наглухо застегнутые комбинезоны. Спасу от комарья не было никакого, оно умудрялось искусывать любой, даже сверхзащищенный, участок тела. А на запахи лосьонов, которые, судя по этикеткам, должны отпугивать эту нечисть, оно летело с самой отчаянной решимостью.

— У-уу, зверье проклятое, — иступленно рычали мы по очереди. — Да когда же вы угомонитесь!

Угомоняться «зверье» не собиралось. Лавина шла на нас за лавиной четким строем, как эскадрилья бомбардировщиков выходит на объект бомбометания. Передышек в массивных атаках практически не было. Одним словом, дело свое они делали превосходно, надо отдать им должное.

Но, как говорится, нет худа без добра. Без комариного допинга мы вряд ли достигли бы удивительнейшей производительности труда: через шесть суток станция была смонтирована, домик собран, сделали всю физическую работу, побили, что называется, все рекорды.

Успокаивалось комарье на закате солнца, примерно после девяти часов. Брало перерыв минут на сорок. Ломы уже вываливались из наших рук: начинали-то мы спозаранку, устраивая лишь один небольшой перерыв на обед. Наскоро ужинали, потом наталкивали поплотнее ягель в продырявленные консервные банки, зажигали его и подвешивали банки в своем жилище — единственное эффективное средство от кусающих полчищ.

...Солнце заваливается за сопки. Оно утопает в длинной полосе пурпура, которым подбита нижняя кромка неба. По долинам Седанки медленно перемещаются вечерние тени. Они быстро сгущаются, сливаются одна с другой, накрывая землю и воду. Реки уже не видно, ее поглотила ночь.

Где-то рядом в кустах протяжно и глухо закричала птица. Она всегда прилетает к нам именно в это время, на стыке сумерек и ночи. Может быть, свила здесь себе гнездо. Еще раз закричала. И закричит еще раз. Всего три раза. Так бывает каждый вечер. Мы уже привыкли.

Эта птица — словно страж нашего покоя. Потому что последний ее крик разом съедает все звуки. Тишина, плотная и обволакивающая, наваливается на поляну уже до самого утра. Только тонко поют комары. Настолько тонко и высоко, что perceive это лишь подчеркивает тишину.

Кромешная тьма стоит недолго. На небе появляется луна. И все неузнаваемо меняется в ее призрачном свете: долина

становится дымчато-голубой, кедрач — угольно-черным, а колея Седанки наполняется жидким серебром. Словно выходцы из разных миров, очутившиеся волею случая вместе, и долина, и кедрач, и река тем не менее упорно продолжают существовать обособленно, не желая даже замечать друг друга. Как призраки, кочующие в одиночку.

Невольная дрожь охватывает тело. И чувствуешь себя беззащитной былинкой, случайно попавшей на сборище сказочных чудовищ.

Откинув полог палатки, кубарем, чтобы не впустить с собой комаров, вкатываешься внутрь нашего дома. Вообще-то эта предосторожность излишня — ни один комар такого не выдержит: палатка плотно забита едкими, зеленовато-желтыми клубами дыма от тлеющего ягеля, перемешанными с сизым табачным дымом и густым, кисло-сладким запахом портянок. После упоительнейшего, настоящего на хвое ночного эфира поначалу в этой душегубке балдеешь, задыхаешься, как астматик во время очередного приступа, и только потом, откашлявшись и приглядевшись, пристраиваешься на своем спальном мешке и начинаешь раздеваться.

Три луча света от карманных фонариков — ребята уже в сборе, — протыкая желто-бурую мглу, медленно перемещаются в пространстве. Они высвечивают искусанные, распухшие ноги и руки.

— С такими ножками на пляже, пожалуй, не покажешься, — мрачно замечает Усачев, расчесывая волдыри. — Девочки все поразбегутся.

— Да уж какие тут девочки, — вторит ему Крючков. — Мать родная и та в обморок упадет.

— Что верно, то верно, — доносится из угла бормотание Скрячева. — Наши камчатские комарики свое дело знают туго.

Кровоточащие ранки так зудят, что трудно не поддаваться искушению чесать и чесать их без конца. Но я уже знаю: чем больше чешешь, тем больше они чешутся. И поэтому без лишнего раздумий ныряю во вкладыш спальника. Он влажный, холодный и липкий. Через несколько минут согреваешься. Стараешься уже не крутиться с боку на бок, потому что нагретая тобой ткань вкладыша уходит в сторону и натыкаешься на холодные участки. Не греть же их снова!

Усталость берет свое, глаза сами по себе закрываются, и вот уже я вижу воду. Первый сон обязательно про воду! Только варианты разные. Иногда пьешь ее, в другой раз, убаюкиваемый волнами, лежишь на ней, широко раскинув руки, чаще всего — моешься. Сегодня мне снятся наши московские добрые

старые Сандуны, куда со своими институтскими друзьями я хожу уже больше двадцати лет.

Вначале вижу парилку. Мягкая влажная теплота ее разливается по всему телу, пар пробирается аж до костей. Дневная усталость, подхлестываемая душистым березовым веником, словно густая, вязкая жидкость, стекает с кончиков пальцев рук и ног. Тело, освобождаясь от нее, расслабляется и дышит всеми порами. Дышит жадно, вздохом. А потом так же жадно, одним махом, проглатываешь бутылку холодного пива. Укутанный в мохнатую простыню, минут десять сидишь неподвижно и снова идешь в парилку, оттуда — в бассейн. Сильно оттолкнувшись ногами от бортика, легко скользишь по воде лицом вниз. Сквозь прозрачную полутораметровую толщу отчетливо видны даже маленькие трещинки в кафельных плитках дна.

И так хорошо и спокойно на душе, что даже думать ни о чем не хочется.

Упругие струи душа стряхивают с тебя оцепенение. Дырчатый дождик звонко хлещет по голове и плечам, рассыпаясь веселыми брызгами. Капельки воды вначале приятно щекочут нос, потом вдруг щекотание становится нестерпимым. Я прокляну себя: на носу пристроился комар. «Наверное, мутант какой-нибудь, — думаю я. — Дымонепробиваемый». И быстренько прячу нос во вкладыш.

Впрочем, дыма уже заметно меньше. Это чувствуется даже в темноте.

Рядом, один к одному, похрапывают, посапывают и бесвязно вскрикивают во сне три моих новых сослуживца. Видно, кошмары одолевают. А может быть, они, как и я, видят цветные сны про воду.

Я смотрю вверх и чуть-чуть влево, там небольшая дырка в крыше палатки — маленький размытый кружок света. Когда смотришь на него долго, то настраиваешься на размышления, а если рядом с тобой сопят во сне люди, то невольно начинаешь думать о них. Кто же они, эти люди, с которыми судьба свела меня в забытом уголке нашей планеты?

Вот Саша Крючков. О том, что руководитель нашей маленькой экспедиции почти вдвое моложе меня, я узнал по телефону от заместителя директора института, в котором Саша работает. Откровенно говоря, этому сообщению я не обрадовался. Меня вовсе не прельщала перспектива ходить в подчиненных у мальчишки, которому предстояло отвечать за людей в не самых обычных условиях. Вернее, в совсем необычных. На Камчатке, одним словом...

Сообщили мне и номера Сашиных телефонов. Вечером я позвонил ему домой. Попросил, естественно, Сашу. Отчество его я просто не знал. А если бы даже и знал, то все равно как-то неудобно молодого парня величать по отчеству. На том конце провода застенчивый девичий голос ответил: «Пожалуйста». И звонко прокричал в сторону:

— Александр Иванович, тебя к телефону.

Милая домашняя игра, решил я. Это хорошо, когда люди с юмором.

Голос у Саши оказался глуховатым и, как мне даже показалось, скрипучим. Разговор получился в высшей степени лаконичным. Эмоций никаких. Иной замминистра и тот позволяет себе кое-какую вольность в подобных разговорах, отступления небольшие, ежели и не лирические, то уж по крайней мере скрадывающие сухость и официальность первого общения. А тут ведь мальчишка! И не может же он не понимать, что из одной тарелки есть несколько месяцев придется, да еще в тайге, где в лучшем случае медведь заглянет на огонек. Я совсем расстроился.

На следующий день мы встретились. Минут десять стояли на улице и сосредоточенно курили. Будущий начальник мой оказался среднего роста, поджарый, челка свешивается на глаза, смотрит исподлобья и угрюмо, в каждом движении обстоятельность. И казалось мне тогда все в нем выверенным, будто в часовом механизме. И до жути рациональным. Как в человеке, отмерившем большую, но очень однообразную и скучную жизнь, от которой можно разве лишь устать. «Откуда это в таком возрасте?» — думал я. И рисовал мрачные перспективы будущего общения. Правда, одно обстоятельство мне понравилось: Саша собирался на Камчатку в третий раз.

Вскоре я понял, что первое впечатление не всегда правильное. Уже при сборах, во время которых, к моему удивлению, Саша показал себя очень толковым и бывалым руководителем, холодок в общении немного подтаял. К моменту же приземления в Камчатском аэропорту он исчез совсем. И не было уже в Сашиных глазах подсмотренной мною неделю назад насупленности, обращенности внутрь себя, а была мысль, идущая к собеседнику, выраженная точными словами и без излишней навязчивости. Я понял, что мой новый начальник просто не относится к числу тех, кто покоряет с первого взгляда, кто умеет «подать» себя. Выражению его лица преимущественно присуща какая-то озабоченность, переходящая в хмурость, а это часто сбивает людей с толку: он кажется им человеком неприветливым.

полярный эксперимент. Одна из главных задач его — количественная оценка роли атмосферы и океана в формировании их энергетического баланса. Кроме того, «Полэкс» должен помочь решению некоторых крупных проблем взаимодействия атмосферы и океана в полярных областях Земли и выяснению механизмов, формирующих крупномасштабные, долгопериодные изменения гидрометеорологических процессов в Арктике и Антарктике. Части программы «Полэкс», относящиеся к северной и южной полярным областям, условно стали называть «Полэкс-север» и «Полэкс-юг».

Полярные бассейны во многом определяют циркуляцию атмосферы и океана на нашей планете и, стало быть, погоду колоссальнейших районов Земли: Арктика — северных умеренных широт, Антарктида — южных. Поэтому в эксперименте «Полэкс-север» очень важно установить процессы взаимодействия атмосферы и гидросферы в Центральном полярном бассейне, проследить взаимодействие вод Северного Ледовитого океана с водами Тихого и Атлантического океанов, выявить законы взаимодействия атмосферы полярного бассейна с атмосферой умеренных широт. Решение этого комплекса проблем поможет существенно усовершенствовать долгосрочные прогнозы погоды, по крайней мере почти для всей нашей страны и для Северной Америки. Антарктида же (опуская особый интерес к ней со стороны программы «Полэкс-юг») — материк, окруженный со всех сторон океанами, — ко всему прочему прекрасный объект для численного моделирования процессов в атмосфере.

Сопоставление результатов проводимой сейчас программы «Полэкс» и уже проведенного АТЭП позволит ученым очень близко подойти к разгадке механизма тепловой машины Земли — механизма обмена воздушных масс, нагретых над тропиками и охлажденных в районе полюсов.

Хорошим подспорьем и дополнением к сопоставлению данных «Полэкс» и АТЭП послужат и результаты комплексного энергетического эксперимента (КЭНЭКС) — исследований по радиационной энергетике. Значение этого эксперимента трудно переоценить: ведь Солнце — главный поставщик энергии, управляющей циркуляцией всей земной атмосферы и Мирового океана. Задачи эксперимента — изучение процессов поглощения солнечной радиации атмосферой и подстилающими поверхностями, определение баланса тепла, поступающего от нашего светила. А баланс этот в свою очередь зависит от многих факторов: от состояния самой атмосферы, присутствия в ней аэрозолей и водяного пара, вида подстилающей поверхности и т. д.